

АТОН И АМОН

Посмотрим, как выглядит сквозь «магический кристалл» Сбаит религиозная реформа Эхнатона в малой истории Египта и в большой истории мира. Вот что пишут религиоведы: «Та стадия развития, на которой застигла фиванскую религию реформа Аменхотепа IV, может быть охарактеризована как *переход от узко-национального божества к идее мирового бога*. Наиболее характерной чертой предшествующего периода является приписываемый божееству воинственный характер. Поскольку элемент этот постепенно перестает занимать центральное место в религиозном сознании, для фиванской религии (а Эхнатон, тогда ещё А IV, начинал своё царское служение в Фивах) неизбежным является возврат к исходному пункту своего развития, – к *личному универсальному богу* в заимствованной от илиопольского культа форме отождествления его с солнечным божеством. Но сообразно с расширившимся кругозором народа, приписываемая богу сфера действия естественно выходит за пределы тесных рамок египетского государства. В этом переходе к *идее мирового бога* можно видеть одно из крупнейших приобретений религиозной мысли древнего Египта; но поскольку речь идёт о самом расширении понятия божества, учение Аменхотепа IV является лишь логическим довершением того пути, по которому шло развитие фиванской религии.

Оригинальность религиозного мышления Аменхотепа IV и присущая ему исключительная сила духа сказались главным образом в той особенной модификации, какую приняла в его учении идея мирового бога. Ибо на той стадии, на которой он застал развитие египетской религии, к этой идее вели два диаметрально противоположных пути.

Первый из них заключался в том, что воплощением идеи мирового бога становится национальный бог со всеми приписываемыми ему традицией атрибутами; тогда власть этого бога над миром в идее равносильна мировому господству Египта, и вера в бога находится в тесной зависимости от конкретного осуществления национально-политических стремлений.

(Так понимают своего Иегову Цебаот, Саваофа – *Бога воинств* – евреи; так же узко-этнично – искажая идею Магомета – понимают Аллаха арабы).

В противоположность этому воззрению, учение Аменхотепа IV содержит *неизмеримо более глубокое и возвышенное* понимание идеи мирового бога, неслыханное на общем фоне культуры древнего Востока и впервые зародившееся в его голове. Единый бог, творец земли и населяющих её многоязычных племён, есть космическая сила, органически не связанная с каким-либо народом. Власть его над миром изначальна и стоит вне всякой зависимости от преходящих политических успехов той или иной нации. Ища конкретного образа для воплощения своей идеи, фараон, естественно, останавливается на солнце, во все времена почитавшемся в Египте источником жизни на земле. Освобождённое от своего мифического прообраза, отрешённое от конкретной связи с каким бы то ни было местным культом, божество это как нельзя более соответствовало космополитическим тенденциям фараона, да и фактически могло пользоваться признанием во всём тогдашнем культурном мире.

(«Весь культурный мир» оказался однако ограниченным “диваном его приёмной”, где и то сидели не впритык. Кроме Египта, во всём остальном мире правили самозванцы и уголовники. Им все эти интеллигентские изыски были ни к чему.)

Но как ни значительны были преимущества нового учения, они относятся к области тех требований человеческого духа, для которых тогда ещё не назрела пора.

(«Пора!» – было произнесено в России только в конце тридцатых годов двадцатого столетия новой эры, а дошло до публики ещё через тридцать лет. В самом деле, ну какое «по Ра!»?)

С другой стороны, новый культ не только требовал от народа отрешения от дорогих ему тысячелетних традиций, но, – что было не менее важно, – он отнимал у нации могущественного покровителя, на которого она могла бы опереться в превратностях политической борьбы в твёрдой вере, что бог её неразрывными узами связал свою судьбу с судьбой почитающего его народа».¹

Возвышение культа Амона, *бога Неведомого*, началось ещё в середине Среднего царства, но как-то от нашествия гиксосов он не защитил и пребывал в ничтожестве вместе с остальным национальным пантеоном весь Второй переходный период. Однако освободительная война через полтора столетия началась из Фив, центра его культа, и поскольку она привела к полному освобождению Египта от завоевателей, авторитет Амона, которому были приписаны все успехи египетских военачальников, возрос невероятно. Фиванское богословие оживилось и сделало колоссальный рывок от *местночтимости* к *универсальности*.

«Этим была подготовлена почва для религиозной реформы Аменхотепа IV. В самом деле, если воплощённое в солнце божество могло одинаково олицетворяться в илиопольском Атуме, как в фиванском Амоне или вообще в любом местном боге, то дальнейший шаг вёл отсюда к тому, что оно само по себе, отделённое от своего мифического прообраза, могло быть признано высшим божеством. Разумеется, нужна была необычайная смелость мысли для того, чтобы порвать с тысячелетними традициями своего народа, и в этом сказалась оригинальность религиозного творчества Аменхотепа IV. Но стремясь к идее мирового бога, общего всем народам, Аменхотеп IV

¹ 4, II, 6-8. Курсив и вставки в скобках мои. – ОК.

не только изолировал своё божество от мифических элементов, но устранил также всякую связь его с каким бы то ни было местным культом. Выдвигая таким образом на первый план исключительно *космический* характер своего божества, Аменхотеп IV лишил своё вероучение того, что во все времена составляло главный жизненный нерв всякой религии – *идеи личного бога* и связанного с ней тесного взаимодействия между богом и его почитателями». ¹

Так выглядит ситуация извне. Изнутри круга избранных, отягощённых золотым слитком текста Сбаит'а, религиозная панорама представляет совершенно иную картину. Преданные ученики и последователи получали для тесного взаимоотношения *Господа, Спасителя, Творца*, которого остальное человечество получило – да и то оазисно – только два тысячелетия спустя. Суеверные каждения и камлания языческим идолам, в том числе и уютным домашним “миниатюрным гигантам”, не следует принимать за молитвенное общение с «личным божеством». К серьёзным нравственным проблемам комнатные пугала для злых духов Бесы и иже с ними – своего рода «окультурный зоопарк» – никакого отношения не имели.

Эхнатон неоправданно великодушно ввёл в *Круг избранных* слишком большое количество людей, не захотев лимитировать понятие «братства». Он решил быть политиком *чистым*, а политику, как и ассенизацию, нельзя делать “в белых перчатках”. Занятие политикой – даже религиозной – несовместимо с понятием благородства, аристократичности, рыцарственности. Это дело холодной трезвости, тонкого расчёта и беспощадной принципиальности. Он же думал о становлении человека. «Полное и свободное развитие личности человека приводило в своём результате к свободной и добровольной самоотдаче себя божеству. Путь освобождения становился путём жертвы и через жертву давал человеку полную божественную бла-

¹ 4, I, 45. Курсив мой. – ОК.

годать, полное приобщение человеческого естества к божественной вечной сущности. В этом догмате Амарнская религия достигла наибольшей высоты своего духовного развития, приближаясь к наиболее высоким и чистым религиям позднейшего времени. К сожалению, современники Эхнатона не были ещё в состоянии воспринять и оценить всю красоту этого нового солнечного учения».¹ Но единицы, скооперировавшись в эзотерический орденский межнациональный союз сделали Учение Эхнатона своей Священной книгой. С ним они находились в *Маа херу*, обители *правогласия* (православия). Холуи-современники пытались соорудить из Сбаит дубинку, а из Ур-Маа – держиморду: «(Царь) обращает мощь свою против тех, кто игнорирует Учение его», подавая при этом себя в лучшем виде: а «милости свои – к тем, кто знает его совершенное жизнетворное Учение, внимает ему и действует в соответствии с его законом».² Простолюдин, у которого отсутствует врождённое понятие чести, впитанное с молоком матери чувство моральной чистоплотности и порядочности, сначала восторженно лижет руку *дающего*, а потом с искренним негодованием плюёт на него в несчастье или его могилу. С лёгкостью “необыкновенной” они дают слово и с той же лёгкостью и проворством «забирают назад». От пронизательного взгляда Ур-Маа это не укрылось: фрагменты о лести и предательстве в Сбаит’е очень выразительны. И если он не превратился при этом в желчного скептика и мизантропа, то только потому, что был Сыном Божиим и весь состоял из Света. «*Это ты создаёшь мир*, – обращается Эхнатон к своему богу. – *Каждый видит, как ты царствуешь на небе, но никто не знает тебя, кроме меня, сына твоего от плоти твоей*».³

Эхнатон – сын Планетарного Логоса, Солнца Правды; он Анх эм Маат; «сын Христа и Софии», говоря богослов-

¹ 1, 102.

² 13, 119-120.

³ 13, 120.

ски. Он был создан в результате «строительства посредством света». «Во все эпохи фараона (*фара – он*) воспринимали как своего рода произведение искусства. Сообщество богов (исполнителей воли Единого) «строит» царя как храм (из чистого света), «формирует» его на гончарном круге, «создаёт» как некий шедевр».¹

В толковании Древнеегипетской гелиопольской космогонической системы, согласно папирусу Бремнер-Ринд, исследователь использует всемирную символику, возникшую в глубокой древности и сохранённую до нашего времени *розенкрейцерской* и *тамплиерской* традицией.² **М и с т и к а с в е т а**, отмечает он далее, поклонение восходящему утреннему Солнцу в частности, занимала огромное, доминирующее место в религиозной деятельности гностиков, альбигойцев и богомилов (славянском «филиале» общины катаров). Европейское *мистическое богословие* всё было пронизано ею; мифологические картинки были только одеждой, в которую облакали египтяне своё масштабное космическое мировоззрение. «В более ранние времена слово *а т о н* использовалось применительно к орбите Солнца, и (только) к эпохе деда Эхнатона Атон стал именем собственным, солнечным богом, которому поклонялись».³ Попервоначально он тоже изображался антропоморфной фигурой с соколиной головой и солнечным диском над ней. Перевод концепций из понятийной сферы в мир образов отнюдь не означает их некорректное упрощение и примитивизацию. Величественное спокойствие, с которым излагаются в Сбаит’е важнейшие нравственные нормативы, сродни гениальной «сложности в простоте» шедевров архитектуры страны Кеми.

Эзотерические общества и объединения, как то наассены (*офиты*, греч.) – змеепоклонники, поклонявшиеся

¹ 13, 121. Вставки в скобках, ред. мои. – ОК.

² 24, 119.

³ 27, 245.

восходящему солнцу, считали Свет несозданным, но извечно существующим в недрах хаоса водных глубин, откуда всё происходит. Связано это понимание Света-огня с древней памятью о подводных катастрофических извержениях, последнее из которых привело к гибели Санторина и Крито-Микенской культуры вообще. Тютчевское «под ними хаос шевелится» «проваливается» в древнеегипетский *Нун* за пределами библейской упорядоченности. «Ужас воды», в одночасье проглотивший Атлантиду – устойчивая мифологическая реальность, отнюдь не ушедшая в далёкое прошлое, но постоянно актуализирующая себя мировыми катаклизмами. В «Текстах пирамид» неоднократно встречаются упоминания об огне, выходящем из Нуна.¹

«Эманация Нуна – Атум, которую сам Нун-Творец, как это видно из «Текстов пирамид», почтительно приветствовал, исключительно любопытна как с мифологической, так и чисто лингвистической точки зрения.

По всей вероятности, имя Атум этимологически восходит к так называемому отрицательному глаголу *t·m*, который употребляется как отрицание в некоторых грамматических формах древнеегипетского языка. Имя Атум – грецизированная форма египетского термина. В рассматриваемом нами имени А-тум первый звук «А» не случаен. Глагол *t·m*, безусловно, имеет огласовку, но просвещённые эллины, имевшие самое общее представление о древнеегипетском языке, во всяком случае, знавшие имена богов и фараонов, старались как-то по-своему осмыслить их первоначальную этимологию. В связи с отрицательным *t·m* вспомним, что так называемая альфа привативум (Α) в греческом языке означает категорическое отрицание (например, в слове агностицизм). Следовательно, в грецизированной форме Атум заложено двойное отрицание –

¹ См. 24, 121.

атохтонное, египетское и привнесённое, индоевропейское, греческое.

(У русского *туман*, *t-m-an* такая же судьба.)

Итак, с учётом всего вышесказанного, Атум значит «Ничто». Это явление весьма характерно для гностической системы Василида, где Демиург (Творец второго порядка; в разбираемой нами системе Нун – Творец, а Атум – Демиург) назван *ux on теос*, что означает «бог не суший и вместе с тем всё несущий».

Гелиопольскую систему можно изложить так: из хаотического Небытия поднялось светозарное Ничто. В христианской эзотерике есть идентичный – со скидкой на ортодоксальное лимитирование – тезис у Максима Исповедника (VII в.): *Бог есть всё и ничто и превыше всего*.

И далее: «Наиболее важная ипостась Атума – змей. В 175-й главе «Книги мёртвых» содержится разговор Атума с Осирисом. Атум говорит, что в образе змея он сотворил мир, в образе же змея разрушит его, уничтожит также и всех богов, кроме Осириса (почему он и сообщает ему эту приятную новость). Перед нами древний образ змея, кусающего свой собственный хвост, – “дракон уроборос”, а это – символика замыкающегося круга вечности.

Одинокому Атуму-Демиургу в его творческом акте сопутствовали два начала: *ху* – высказанное слово и *сиа* – задуманная мысль, невысказанное слово. Эта часть гелиопольской легенды перекликается с мемфисским богословским трактатом, где за много веков до создания Евангелия от Иоанна сквозит мысль, чётко сформулированная во вступлении: “В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог”. Слово – Логос, которым Бог сотворил всё сущее. Это один из многочисленных первооригиналов в христианском позднем палимпсесте».¹

Не забудем, что мы находимся в зоне абсолютного Света.

¹ 24, 122-123. Вставки в скобках и ред. мои. – ОК.

«Кроме этих двух начал (*ху* и *сиа*) Атуму сопутствовала некая таинственная высшая Премудрость – Хике. В каноническом тексте Библии ей соответствует Хокма (в Кабале это Вторая сефира и мужской род); в ранней кабалистической традиции это Шекина – женский вариант Айн (Айн – непознаваемое, бесконечное начало, вершина иерархического треугольника, средняя часть которого Айн Соф, а нижняя Айн Соф Аур), Хике не что иное, как женское дополнение Нуна. В одном религиозном тексте египетская Премудрость говорит о себе: “Я была тогда, когда Единый творил, до того как земля и небо были сотворены. *Я была художницею* священной Девятки богов и Отца богов”. Обратимся к библейской книге Притчей, где встречаем почти текстуальное совпадение строки: “Я, Премудрость, обитаю с разумом и ищущу рассудительного знания... Я родилась, когда ещё не существовало бездны, когда ещё не было источников, обильных водою... Когда Он уготовлял небеса, я была там. Когда Он проводил круговую черту по лицу бездны... тогда *я была при Нём художницею*”.

Хике обладает признаками Хокмы и Шекины. Эти два варианта мудрости почти неразделимы, ибо библейский канон всё высшее и низшее, доброе и злое возводит к одному источнику – единому Богу, в котором сходятся все крайности, ибо антибожественного мира нет, а зло, согласно кабалистической «Книге сияния» лишь “складки одеяния Божия”.

Атум творит первую пару богов – Шу и Тэфнут. Сущность Шу воспринималась как некая протяжённость, пространство, пустота. В библейском тексте легенды о сотворении мира Шу соответствует понятие “тоху” – “пустыня”, “пространственна” и т.д. Тэфнут, женское дополнение Шу, символизировала влажность, парообразность и т.д. – то, что в библейском тексте называется “воху” – “безвидна”, т.е. невидима среди клубов пара, поднимающихся от только что сотворённого пространства.

Шу и Тефнут под защитой Ока Атума обошли первозданный мир и вернулись к своему владыке после того, как он собрал все члены воедино, оросив их слезами. Этот момент гностически важен. Атум, будучи единым по сути своей, становится дробным в момент творения мира и снова монолитным после окончания акта творения. Этот процесс мы наблюдаем в гермопольской космогонической системе, где в начале творения божество выступает как неделимая священная восьмерица. В библейской традиции – это принцип *Элохим* (мн. ч. от слова *Элоа*, бог) книги Бытия. Когда Шу и Тефнут привели ушедшее (сбежавшее) Око к Атуму, то оно не только не повинилось перед хозяином, но и разгневалось, увидев, что Демиург сотворил себе новое око, и тогда добрый Атум поместил его на челе своём в виде *третьего* глаза. Вместе с легендами и мифами об Оке Ра и Оке Гора эта надмирная история образует библейскую мифологему Всевидящего Ока. И то, хоть человек и богоподобен, но за ним со стороны Высших Сил нужен глаз да глаз. *Всевидящее* Око фиксировалось в пирамидионе – на вершини обелисков и пирамид – который символизировал прахолм, кусок суши, первым показавшийся из вод мирового океана, и который первым встретил лучи восходящего над сотворённым миром Солнца. То есть того же Атума, но уже отстранённого от своего творения.

Из слёз Атума возникли люди, или, вернее, их идеальные образы – души людские. Интересную параллель мы находим в одном сохранившемся герметическом трактате, в котором говорится о Демиурге, создавшем мир божественным *смехом*. Он рассмеялся в седьмой раз (первые шесть раз прошли без последствий) – и горько заплакал – и из этого *смеха* и *слёз* родилась душа человеческая.

Время воспринималось египтянами как единый поток, не имеющий ничего общего с обыденным современным понятием о времени, которое делится на определённые отрезки. В гермопольской системе время символизировало

руется восемью столпами, которые называются “хех” (миллион) и созданы Шу и Тефнут».¹

Напоминаю, что *восемь* – число Бога-Отца в библейской традиции (восемь вершин крестчатого нимба на изображениях Ветхого Денди, восемь вершин священного куба-Каабы, принцип музыкальной октавы etc.) и структура египетской Огдоады богов.

«Гностическая традиция знает две Премудрости, одна из них – София Урания. Она соответствует Хике гелиопольской системы. Другая – София Пруникос – падшая Премудрость, или, как её называли во многих гностических трактатах, страдающая Ахамот, является прекрасной параллелью для женского дополнения Атума – Саосис».²

«Древнеегипетская религия говорит нам о двух небесах (небо верхнее и небо нижнее). Об этом часто упоминается в религиозных текстах, относящихся к Гелиополю. Встречается также изображение двух небес в виде двух богинь Нут – в традиционной изогнутой позе, одна над другой. В библейской легенде о сотворении мира “небо” как понятие встречается только в двойственном числе – “шемайим” (небеса, оба неба). В космогонии офитов падшая София (Ахамот) творит из своего тела видимое небо под небом высшего порядка. В “Изумрудной Скрижали” Гермеса Трисмегиста проводится та же, вечная как мир, идея: “То, что внизу, есть как то, что вверху, а то, что вверху, – как то, что внизу, для совершенствования чудес одного и того же Единого”».

В этой двойственности тому, что *мудро* соответствует то, что *мудрёно*, *красоте* – *красивость*, *доброте* – *добротность* и т.д.

«Солярный культ гелиопольской системы, включая и ответвление Атона, связан с легендой о птице Феникс, рождающейся из священного камня Бен-Бен («восходящий из хаоса»»)³.

¹ По 24, 124-126. Курсив, вставки в скобках и ред. мои. – ОК.

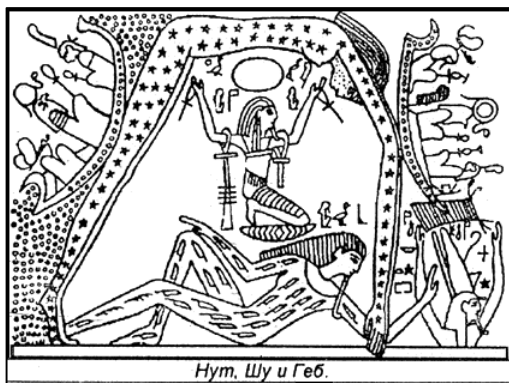
² 24, 124.

³ 24, 126. Ред. моя. – ОК.

«Да слышу (я) голос твой сладостный во Дворе солнечного камня, (когда) творишь ты службу отца твоего Солнца живого» – так обращались к Эхнатону, выступавшему в качестве верховного жреца культа Атона. «Двор солнечного камня» – внутренняя сакральная площадь Храма Атона в Карнаке¹, где был установлен обелиск, оканчивающийся пирамидионом – бенбеном. Эхнатон поддерживал Гелиополь как Са Ра, сын Ра, противу доминанции Фив с их Амоном. «Гимн славы Гарахути (Ра-Горахти), живущему, ликующему на восточном горизонте, в имени своём Шу, который [есть] Атон...»² Это начало гимна Атону из гробницы Эйе. *Атон, Ат он – Отец он, (Ат-лантида – Земля отцов) новорожденное солнце, манифестирующее Небесного Отца: Атума-Ра-Шу (Шов), который есть Атон.*

Для посвящённых действия во «Дворе солнечного камня» не были примитивным солнцепоклонничеством как для остальных. «Солнечный камень» уводил мысль к птице Бену, Фениксу, который сгорает в огне самопожертвования и вновь возрождается из пепла. Это творящая душа Ра, его *Ба+Ка*, огненная суть его мудрости и креативной мощи.

«Богиню Нут гелиопольская традиция называет священной небесной девой-матерью, средоточием тысячи душ, символизирующих звёзды, солнце и луну. Подобный образ

¹ 13, 56-57. Такой же Хут бенбен был и в большом храме Атона в Ахетатоне: 13, 125-126.

² 6, 127.

Девы Мира часто встречается в учениях средневековых мистиков с наименованием Небесной Матери, Девы Света, Матери Мира и т.д.»¹

Посмотрим, какое место занимает Нут в системе теогонии Египта.

	<u>Мать</u>	<u>Отец</u>	<u>Сын</u>
I	Тефнут	Шу	Геб
II	Нут	Геб	Осирис
III	Изида	Осирис	Гор

Божественный сын более ранней триады становится Отцом в триаде более поздней. Что касается Шу и Тефнут, то они рождены Атумом в результате самооплодотворения и являются братом и сестрой. Но о каком “само” может идти речь, когда у Атума есть женская “половина” (шакти) Саосис, которая воспринималась *в зависимости от степени посвящения* либо как *рука* Атума-Демиурга, либо как *богиня*? Младенцев Шу и Тефнут окружает сразу после рождения дыхание жизни (Анх) из уст Бену. В поздних египетских теогонических мифах период между прилётами птицы Бену (Феникса греков) составляет 1461 год. Это соответствует наиболее масштабному циклу египетского календаря, так называемому «Году Бытия». Год у египтян состоял из 360 (по количеству градусов в круге) плюс 5 дней.² Поправка в $\frac{1}{4}$ дня постепенно сдвигала начало Нового года, и только раз в 1461 ($[365 \times 4] + 1$) год новогодний праздник совпадал с утренним восходом Сотис (Сириуса), звезды Великой Матери. Эзотерическое предание говорило о происхождении земной цивилизации

¹ 24, 126. Ред. моя. – ОК.

² Так наз. «эпагоменальных» дней, в которые были рождены Осирис, Исида, Хорур (старший Гор), Сетх и Нефтида.

в качестве дочерней от цивилизации Сирианской. Поэтому все четыре Великих Матери: Саосис (она же Своя Рука – Владыка), Тефнут, Нут, Исида связаны с Сотис – Сопдис – Сепедет по этой линии. Нут является *внутренней* для Тефнут; Исида *внутренней* для Нут. «Падший» в понимании гностиков значит: «десантировавшийся» на землю, утративший небесную святость (*де-сант*), ставший (-ая) *страдающим* (как Ахамот). Пока слово не высказано (Сиа) оно обладает абсолютной потенцией; как только оно становится высказанным (Ху), оно приобретает *определённость* и вместе с ней *ограниченность*. Поэтому Эхнатон старался передать своё Учение только тем, кто имел неограниченный горизонт видения. Но в аспекте проведения ритуальных действий и богослужений он постарался “стереть с доски” все хитроумные чертежи мифологических взаимоотношений и “сократить дробь до выражения в целых числах”. Отец – Атон – Царь Небесный, фараон – Сын – Царь земной, “бог с малой буквы”. Но помимо «дурных слов» он получил и холодное, молчаливое саботирование и ползучую ненависть в ответ. Солнцу отбили руки, а диск *аннулировали*, *дискредитировав* перед тем.

Но был один край, страна и народ, где он был всегда желанен и любим, и где его Атон стал национальной святыней. Страна эта – Россия.